
ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ

Дарья Трифонова*

Понятие нравственности получило закрепление в действующей Конституции Российской Федерации. Однако содержание данного понятия не раскрыто ни на конституционном уровне, ни на уровне федерального законодательства. Автор статьи считает, что эффективная реализация правовых норм невозможна без опоры на нравственные ценности. Современный духовный кризис общества требует нового осмысления категории нравственность как конституционной ценности. Автор анализирует данную категорию в контексте философско-этического подхода мыслителей античности; рассматривает существующие современные точки зрения к пониманию данной категории.

Право и мораль – традиционные объекты социального знания [6. С. 80-85], огромное значение их взаимодействия было понятно уже античным авторам. В античной философии категория нравственность изучалась в рамках этики, но тогда этика была наукой о социальном этосе, то есть о нравах, обычаях, традициях. Поскольку, с позиции древних, моральный этос не представлял собой целостную картину социальной действительности, то политику, право и другие явления общественной жизни рассматривали также как предмет этики. В отношении данного научного знания использовался термин «политика». Например, у Аристотеля политическая наука составляла собой трилогию: теорию государства, теорию морали и теорию права. Нравственные нормы изучались в системном единстве с политическими и правовыми институтами.

Платон в диалоге «Законы» под законом рассматривает совокупность религиозно-нравственных норм, которые устанавливают мудрые люди государства в качестве неких ориентиров в практической деятельности всех граждан, включая правителей. В идеальном государстве политик единолично осуществляет власть, опираясь на знание. Знание у Платона, как и у его учителя Сократа, имеет божественное начало. Философ

указывает на объективный характер нравственных и правовых явлений; право же отождествляет с нравственностью, высшим универсальным законом.

Для древних греков характерно подчинение всего сущего высшему универсальному нравственному закону, в том числе и устанавливаемого человеком законом. Данная традиция восходит к более древним религиозным течениям. Так, древние арийцы использовали термин «рита», который обозначал универсальное организующее начало; одновременно применялся к обозначению космического, правового, нравственного порядка. Все, что совершается во Вселенной, имеет начало в этом понятии, это нравственный закон [8. С. 16-23, 59-80].

В течение многих веков право, мораль и религия не были отделены друг от друга. Предписанные морально-религиозные нормы исполнялись в силу обычаев, традиций, под страхом наказания высшей силой. Примерами подобных норм являются выбитые на камне правила Моисея (4000 в. до н. э.), десять заповедей буддизма (6 в. до н. э.), Нагорная проповедь Христа (1 в. н. э.), поучения пророка Мухаммеда (7 в. н. э.). Последние, кстати, входят в состав официальной Конституции в странах мусульманского фундаментализма и в настоящее время (напри-

* Трифонова Дарья Георгиевна, аспирантка кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО(У) МИД России

мер, об этом говорит ст. 1 Основного низама об управлении Саудовской Аравии 1992 г.). Постепенно происходила десакрализация права. Отдельные законодательные акты еще имели своим содержанием религиозно-нравственные нормы (например, законы 12 Таблиц в Риме, законы Хаммурапи); в них религиозно-нравственные ценности приобретали правовой характер и обеспечивались силой государственного принуждения. Следующим шагом было выделение правовых норм и формирование собственно правовой системы (в мусульманском праве, несмотря на действие норм Корана, существует и правовая система – фикх, которая подлежит непосредственному применению в судах) [11. С. 69-75].

Политико-правовые учения Древнего Рима многое восприняли от философских учений античной Греции. Римские юристы не отделяли право от нравственности, источником права являлся божественный разум. По определению, данному Цельсом, право – искусство добра и справедливости. [4. С. 69]. При интерпретации правовых норм римские юристы использовали термин *aequitas*, некое нравственное понятие, отождествляемое со справедливостью и правильностью. [13. Р. 49].

С распространением христианства развитие философско-этических воззрений шло под взаимобусловленным влиянием античных и христианских традиций. С точки зрения ранних христианских теологов, греческая философская мысль подготовила почву для христианства [5. С. 160-173]. Идея о моральной сущности закона и разумной природе человека получила воплощение в трудах средневекового мыслителя Фомы Аквинского. Согласно его учению, существует всеобщий вечный закон, выражающий божественный разум и являющийся источником естественного, человеческого и божественного закона. Человеческий закон необходим, чтобы, с одной стороны, обезвредить людей порочных страхом наказания за нарушение предписаний закона, а, с другой стороны, сформировать у людей несовершенных привычку действовать разумно, согласно велениям естественного закона, то есть развить природные нравственные свойства человека. Кстати, у Фомы Аквинского законом является только то, что соответствует велениям нравственной и физической природы человека, то есть естественному закону. [2. С. 31-35].

У воспринявшего античную традицию Гегеля интегрированный этический под-

ход к изучению политико-правовых явлений получил воплощение в его «Философии права» («или науке о нравственности»). Мораль и право находятся в зависимости от нравственной действительности (она же – действительность абсолютного духа). Мораль и формальное право являются лишь абстракциями, которые сами по себе не могут обеспечить полной реализации абсолютной идеи. Следующий этап развития идеи связан со снятием абстрактного момента в сфере морали и права через сферу нравственности, которая представляется как их единство и истинность. Нравственность – это идея добра, которая получает реализацию в рефлексированной в себе воле и во внешнем мире, проходит в своем развитии три ступени: семья, гражданское общество, государство. В истинных традициях философско-этического подхода, движение идеи у Гегеля начинается из сферы социальных отношений, общественной практики [3. С. 94].

Подход к выделению этических начал права был широко разработан в русской дореволюционной доктрине в работах В.С. Соловьева. Содержанием права является справедливое равенство, определить которое возможно лишь с учетом нравственности. Исследователь выдвинул тезис о том, что право – минимум нравственности, так как право, в отличие от нравственности, ограничено в своих требованиях. Кажущиеся противоречия и конфликты между правом и нравственностью могут быть легко устранены, так как если положительный закон противоречит нравственности, то он противоречит и существенным требованиям права. Сопоставляя право и нравственность, необходимо рассматривать эти явления, отвечающие одним и тем же условиям. Как старое право сменяется новым, так и нравственные воззрения меняются в зависимости от эпохи, что было нравственно в одно время, может стать безнравственным в настоящий момент, и наоборот. Право – исторически подвижное определение принудительного равновесия личной свободы и общего блага, т. е. равновесия нравственных интересов [12. С. 21-34].

Следуя философско-этической традиции, считаем, что категорию нравственность можно раскрыть только в ее системной связи с правовой, моральной, религиозной, политической жизнью общества. Однако в современной юридической литературе на этот счет существуют разные точки зрения.

Так, интересен подход В.С. Нерсисянца. В онтологическом смысле слова право рассматривается с позиций формальных, а не

фактических компонентов: формализованное равенство, формализованная свобода и формализованная справедливость (имеется в виду, их всеобщий и абсолютный характер). Поэтому и в аксиологическом плане право не может выступать неформализованным носителем моральных ценностей, а является носителем формально-правовых ценностей равенства, справедливости и свободы. В противном случае всеобщий и равный для всех (то есть правовой) характер справедливости будет вытеснен неким частным интересом. Ценностная сущность права заключается в том, что закон (в смысле позитивного права) и деятельность государства должны быть правовыми, то есть соответствовать вышеупомянутым правовым ценностям. Подобное определяющее значение права в соционормативной системе стало возможным лишь в современную эпоху, когда правовое сознание начинает играть ведущую роль в определении форм общественного сознания. Таким действием, считает исследователь, обладала сначала мифология, потом на ее смену пришла религия, в Новое время ее заменили моральные (нравственные) воззрения [10. 28-31, 53-61, 78-83].

На наш взгляд, в данном высказывании В.С. Нерсисянца содержится противоречие. Исходя из логики его рассуждений, можно сделать вывод о том, что в Средние века и в Новое время, когда ведущее значение в системе соционормативной регуляции играли сначала религиозные нормы, а затем морально-нравственные, собственно права в его понимании либертарной концепции не существовало. Получается, что право – это изобретение современной действительности? А с чем же до этого имела дело юридическая мысль? Подобных выводов ученый не делает, однако вопрос о ведущей роли права в соционормативной системе общества является спорным.

Иной точки зрения на соотношение права и нравственности придерживается Г.В. Мальцев. Для уяснения сущности нравственности ученый использует понятие «соционормативная культура общества», элементами которой являются все нормативно-регулятивные системы данного общества в своем единстве и системе. Нравственность является некоторой плоскостью, в которой осуществляется акт реализации социальных норм. В практическом аспекте нравственность охватывает все нормативно-регулятивные системы общества, формируя при этом систему общественных нравов, которая, с одной стороны, вырабатывается

в результате совместного правового, политического, религиозного, морального регулирования, а с другой стороны, создает единое понимание ценностей различными нормативно-регулятивными системами. Возможность конфликта моральной и правовой оценки общественных явлений разрешается на основании того положения, что так как и правовая, и моральная нормативно-регулятивные системы имеют общую ценностную платформу, представленную существующей в действительности нравственностью, то и действовать обе эти системы должны в одном ценностном направлении. Конфликт является результатом непригодности конкретного ценностного критерия для одной из нормативно-регулятивных систем. Проблема может быть разрешена в пользу того социального регулятора, который наиболее соответствует своим основным целям регулирования общественных отношений, способствует социальному и нравственному прогрессу общества [9. С. 5, 40-48].

И.В. Левакин отмечает историческое единство происхождения морали, права, религии: ученый последовательно показывает взаимосвязь права и других социальных регуляторов (в том числе нравственности) на примере основных этапов развития Российского государства. Исследователь делает вывод об исторической подвижности нравственных и правовых норм; при существующем в современном обществе антагонизме норм поведения, идей, традиций, взглядов на идеи справедливости, добра и зла, очень сложно прийти к согласию о содержании общечеловеческих ценностей. Но, несмотря на это, ученый считает, что невозможно существование действенной эффективной правовой системы без признания «моральности самого права» [7. С. 97-106].

В контексте нашего исследования представляет интерес позиция Афанасенко И.Д. о связующей роли нравственности для существования не только правовой системы, но и самого общества. Ученый, опираясь на науку тектологию, разработанную в начале 20 века ученым А.А. Богдановым, рассматривает особенности организации социальных систем (в широком смысле слова). При этом автор выделяет *самоорганизацию системы, берущую источник для упорядочивания системы в самой себе* (социальные законы, нравственные нормы и ценностные ориентиры, которые вырабатываются самими членами социума, имеют объективный и устойчивый характер). Однако самоорганизация отдельных человеческих коллективов в системе может

не обладать свойствами, которые принадлежат системе в целом. Для нивелирования негативных последствий нужна *организация* (в узком смысле слова), представляющая собой такую упорядоченность системы, которая вызвана внешними факторами, в частности, равновесие системы поддерживается писанным законодательством. Если не задействованы нравственные законы, система не сможет держать себя в равновесии. Если реформирование законодательства осуществляется лишь с помощью элементов организации (в узком смысле слова), вне опоры на нравственные устои общества, которые являются внутренним стабилизирующим элементом системы, то оно обречено на провал. Общество, как социальная система, будет отторгать нововведения, чтобы сохранить себя [1. С. 24-32].

Таким образом, можно сделать вывод, во-первых о негодности понятий морали и нравственности, во-вторых, о нравственном характере права, т. к. нравственность обладает интегративной ролью, что видно в свете сказанного выше. Конечно, каждый взятый в отдельности регулятор (право, мораль, религия и т.д.) не может претендовать на самостоятельную роль. Вне опоры на нравственные ориентиры невозможно праву должным образом осуществлять эффективное регулирование общественных отношений. Это, ни в коем случае, не умаляет роли права, в частности, существует огромный массив экономических, политических и иных общественных отношений, регулируемых, главным образом, правом, так как другие социальные регуляторы не могут обеспечить в полной мере гармонич-

ное развитие подобных отношений. В связи с этим, возникает одна очень важная проблема, о которой верно высказывался Г.В. Мальцев. В современном мире идет тенденция к провозглашению права преобладающим регулятором общественных отношений, который может заменить и вытеснить действие других нормативно-регулятивных систем. В результате, вместо того, чтобы укреплять нравственные устои общества, на каждую сложную общественную проблему, которая при нормальном функционировании общества не требовала бы законодательного вмешательства, приходится принимать новый закон. В итоге происходит неоправданный рост законодательства, перегруженность права, и, как следствие, право перестает действовать с должным эффектом, наступает кризис права.

Действующая Конституция в ч. 3 ст. 55 признала, что нравственность имеет значение не только духовно-этической ценности, но является и конституционно-правовой охраняемой категорией. Однако на законодательном уровне отсутствует определение нравственности. Полагаем, что само представление о сущности нравственности имеет свойство меняться, в том числе, в правовых нормах, с учетом особенностей духовно-культурного, политического, социально-экономического состояния общества. В условиях современной действительности необходимо доктринальное осмысление категории «нравственность» в конституционно-правовом аспекте, так как невозможно обеспечить действенность и эффективность российской правовой системой вне связи с ее опорой на нравственное содержание.

Литература:

1. Афанасенко И.Д. Экономика и духовная программа России. СПб.: 2001.
2. Батиев Л.В. Закон и благодать в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Философия права. 2013. № 2.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
4. История политических и правовых учений / Е.А. Воротилин, О.Э. Лейст, И.Ф. Мачин / Под ред. проф. О.Э. Лейста. М., 2002.
5. Лафитский В.И. О влиянии христианства на развитие права. Сравнительное правоведение в образах права. М., 2010.
6. Левакин И.В. Об основных подходах в теории государства и права как науке и учебной дисциплине // Государство и право. 2009. № 4.
7. Левакин И.В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6.
8. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.
9. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
10. Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2004.

11. Чиркин В.Е. Модели правового регулирования религиозных отношений: необходимость, возможности, пределы. Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / Под ред. Т.А. Сошниковой. М., 2014.
12. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Спб., 1999.
13. Quentin Skinner, *Visions of Politics* // Cambridge University Press, 2002.

MORALITY AS AN ETHICAL PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONCEPT

The Constitution of Russian Federation contains the norms of morality. The Constitution doesn't explain the meaning of the morality, nor does the federal legislation. The author supposes that the effective law system cannot exist without the support of moral standards and rules. The modern inner world crisis of society demands the new interpretation of the concept of morality as a constitutional value. The author analyses the concepts of ancient

philosophers explaining the morality as a philosophical ethical category; analyses the modern concepts to the understanding of the problem.

Daria Trifonova,
Post-Graduate Researcher, Department
of Legal Support for Administrative Work,
MGIMO (University) under the Ministry for
Foreign Affairs of Russia.

Ключевые слова:

нравственность, мораль, право,
справедливость, социальные регуляторы,
соционормативная культура общества,
этика.

Keywords:

morality, morals, law, justice, social
regulators, social standards of public culture,
ethics.

References:

1. Afanasenko I.D. *Ekonomika i dukhovnaia programma Rossii* [Economy and program of inner values of Russia]. Spb., 2001.
2. Batiev L.V. *Zakon i blagodat' v «Summe teologii» Fomy Akvinskogo* [Law and bliss in the Sum of Theology of Foma Akvinsky] // *Filosofia prava* [Philosophy of Law]. 2013. № 2.
3. Gegel' G.V.F. *Filosofia prava* [Philosophy of Law]. M., 1990.
4. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal theories] / E.A. Vorotilin, O.E. Leist, I.F. Machin / Ed by professor O.E. Leist. M., 2002.
5. Lafitskii V.I. *O vliianii khristianstva na razvitie prava. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazakh prava* [About influence of Christianity on the development of law. Comparative jurisprudence in law theories]. M., 2010.
6. Levakin I.V. *Ob osnovnykh podkhodakh v teorii gosudarstva i prava kak nauke i uchebnoi distsipline* [About basic approaches in the theory of state and law as in a science and a branch of study] // *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2009. № 4.
7. Levakin I.V. *Pravo i religiozno-nravstvennye normy rossiiskogo obshchestva* [Law and religious norms of Russian society] // *Zhurnal rossiiskogo prava* [The journal of Russian Law]. 2012. № 6.
8. Mal'tsev G.V. *Kul'turnye traditsii prava* [Cultural traditions of law]. M., 2013.
9. Mal'tsev G.V. *Nravstvennye osnovaniia prava* [The moral basis of law]. M., 2008.
10. Nersesiants V.S. *Filosofia prava* [Philosophy of law]. M., 2004.
11. Chirkin V.E. *Modeli pravovogo regulirovaniia religioznykh otnoshenii: neobkhodimost', vozmozhnosti, predely* [The models of legal regulation of religious relationships: necessity, opportunities, limits]. *Vzaimodeistvie prava i morali: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Relations between law and morality: documents of International science conference] / Ed. by T.A. Soshnikova. M., 2014.
12. Iashchenko A.S. *Filosofia prava Vladimira Solov'eva* [The philosophy of law of Vl. Soloviev]. Spb., 1999.
13. Quentin Skinner, *Visions of Politics* // Cambridge University Press, 2002.